

ГЛАВА 1

— И как вы планировали это сделать? — спросил психиатр.

— Азот.

— А можете подробнее рассказать?

Не могу понять, как именно он реагирует на мои слова. С одной стороны, задает уточняющие вопросы, интересуется, наблюдает за реакцией, с другой — кажется, будто он заранее знает все мои ответы и поэтому скучает. Даже его усы выглядят сонными и поникшими. И в целом — совершенно не ясно, верит он мне или нет.

Я почему-то представил, что за левым плечом психиатра стоит Станиславский. Наблюдает за моим спектаклем, скрестив руки на груди, и морщится. Не верит.

— Баллон очищенного азота и противогаз. Азот, как понимаете, инертный газ и не имеет специфического запаха, а главное — вызывает азотный наркоз. — Я сделал небольшую паузу, как бы задумавшись, но тут же собрался и продолжил: — Если им дышать, он быстро выместит кислород, человек потеряет сознание и через какое-то время умрет от асфиксии.

— Вы это где-то прочитали или... — Заинтересованность доктора все еще не превышала пределы профессионального приличия.

— И да и нет. Я довольно долго все это обдумывал. Прикидывал разные варианты, но регулярно возвращался к этой схеме. Несложно и гарантированно, не останешься калекой... — Я умолк и уставился в стол — думаю, еще одна пауза вполне уместна. — Ну и вот. Тринадцать двести.

— Тринадцать двести? — не понял психиатр.

Заинтересовался наконец-то? Может, надо чаще прыгать с темы на тему? Без логичных переходов. Я посмотрел на Станиславского. Он все еще выражал недовольство моей игрой, но все-таки вынужден был признать, что прогресс есть. Он покачал ладонью правой руки, как бы говоря: «Более-менее».

— Можно и дешевле, конечно, но я брал с запасом. Не смог рассчитать соотношение объема легких и объема баллона с азотом, поэтому брал побольше. И покачественнее.

— Качество тут имеет значение? — уточнил доктор с очень хорошо скрываемой усмешкой.

— Не знаю, а вдруг да?

— Тринадцать тысяч двести рублей — это стоимость баллона с азотом, верно?

Я медленно помотал головой из стороны в сторону и снова посмотрел на Станиславского. Тот кивнул. Доктор чуть сменил позу, собираясь оглянуться, и я быстро отвел глаза, чтобы не выдать моего помощника.

— Баллон, переходник, два метра шланга и противогаз ГП-4. — Я медленно сунул руку во внутренний карман пиджака.

Психиатр так и не оглянулся, напротив — внимательно наблюдал за мной. Я старался не встречаться с ним взглядом, мне все время казалось, что он вот-вот меня раскусит. И, наверное, станет ругаться, кричать.

Наконец моя рука нащупала искомое. В другом кармане. Конечно, это спектакль. Я знал, где лежит чек, и специально устроил эти судорожные поиски. Во время многочисленных репетиций выглядело это достаточно натурально. Растерянные, резкие похлопывания по карманам, торопливый поиск.

— Вот. — Я протянул бумажку и глянул на Станиславского, но его так огорчила моя паршивая игра, что он прикрыл глаза рукой.

Психиатр взял бумажку, положил перед собой на стол и пробежал взглядом по строкам.

— То есть вы даже купили все необходимое?

— Да. Все в свободной продаже. С противогоазом, правда, пришлось помучиться. Это меня и спасло.

— Что вы имеете в виду?

— Противогоаз с... — Я нахмурился, слово действительно вылетело из головы. — Как это называется?..

— С «хоботом»? — попытался подсказать психиатр.

Нас со Станиславским передернуло. Сами вы, доктор, с хоботом.

— С гофрой. С гофротрубкой, — уточнил я. — В общем, такие противогоазы очень давно не выпускают, и их нужно поискать. В итоге пришлось покупать с рук. Пока все объявления отсмотрел, пока договорились, пока мне привезли. В общем — время. Стало легче.

Станиславский медленно беззвучно стал хлопать в ладоши, очевидно, получилось у меня хорошо. Воодушевленный таким успехом, я смело посмотрел в глаза психиатру. Он сидел, упершись локтями в стол, и большими пальцами сцепленных рук поглаживал усы. Лысина и усы придавали ему сходство с Розенбаумом; казалось, он вот-вот достанет гитару и запоеет про Колчака.

— Должен заметить, что вы не учли пару важных моментов, — как будто немного разочарованно протянул доктор. — Технический азот отличается от медицинского. Велика вероятность, что передозировка азота привела бы к отключению функции ядер мозга, которые отвечают за двигательную, сердечную деятельность.

— И что это значит? — не понял я.

— Умирили бы в корчах, муках, судорогах и истерике. Долго и больно. Если говорить просто. Но это ладно, давайте к насущным вопросам. Раньше такие приступы случались?

— Да, регулярно, но не так... сильно. — Станиславский разочарованно махнул рукой в мою сторону, как будто бы сдаваясь; я опустил глаза.

— Как регулярно? — Психиатр снова стал что-то записывать.

— Два раза в год.

— Хм... Расскажите, пожалуйста, детально и с датами о последнем приступе.

— Я же рассказывал.

— Я понимаю, но это необходимо для диагностики. — Тон психиатра сменился, теперь он объяснял все неторопливо и с теплотой, то ли как с перепуганной лошастью, то ли как с ребенком. — Значительная часть моей работы — задавать одни и те же глупые вопросы. Но я понимаю — если вам неприятно это описывать или просто не хочется повторять, расскажите в обратном порядке.

Доктор тепло и даже как-то по-домашнему улыбнулся, воскресив в памяти размытый образ доброго родственника из далекого детства.

Но улыбки улыбками, а в ход пошел старый как мир прием. Послушайте детализированную историю человека и, если сомневаетесь в ее правдивости, попросите рассказать ее в обратном порядке. Желательно сохранив все детали и быстро. Если история выдумана — рассказать ее в обратном порядке очень трудно. Без предварительной тренировки уж точно.

И как мне поступить? Сделать вид, что я не уловил хитрости, и спокойно рассказать историю в обратном порядке? Или лучше обидеться? Не решит ли он, что я параноик? Но врать, вероятно, бессмысленно. Я посмотрел на Станиславского в поисках подсказки. Тот отрицательно мотнул головой. Понятно, не врать.

— Не верите мне? — прямо спросил я.

— Почему вы так решили? — кажется, впервые за весь разговор удивился психиатр.

— А зачем тогда вам история в обратном порядке? Это же проверка на вранье.

— Да, — не стал лгать доктор. — Но я не пытаюсь вас обвинить. У меня нет никаких сомнений в том, что вы

говорите мне правду, но такова специфика моей работы: мне нужно понять, говорите ли вы правду самому себе.

— Ам-м... — Я растерялся, не зная, как именно на это реагировать.

Психиатр вызвал у меня что-то вроде восхищения. Как хороший соперник в шахматной партии. Вроде и признался, что намерен проверить мои слова, а вроде и не вступил в прямую конфронтацию. Кажется, даже Станиславский проникся к нему уважением и повнимательнее на него взглянул.

— Это обязательно?

— Нет, но помогло бы. Хотя, если честно, у меня уже достаточно данных для этого этапа. На первый взгляд у вас серьезное нервное расстройство. — Слово «психическое» он решил не произносить, судя по всему. — С мучающими вас перепадами настроения. Но есть масса нюансов. Учитывая остроту приступа, я бы рекомендовал госпитализацию. Думаю, что буквально за две недели мы сможем со всем разобраться и снять симптомы, а потом уже в амбулаторном режиме...

— Таблетки? — Я не смог убрать из голоса брезгливость, получилось слишком выразительно, но зато это очень обрадовало Станиславского, он даже поднял вверх большие пальцы.

— Скорее всего, да. — Психиатр, кажется, не заметил моих интонаций либо специально не стал заострять на них внимание. — Нужно облегчить приступ как минимум.

— Ясно.

— Но тут все зависит от вас. Если хотите лечиться, то я расскажу о дальнейших действиях, если нет — то нет смысла продолжать разговор.

Тут он несколько слукавил. Он не может меня отпустить, я ему конкретный план самоубийства рассказал и довольно четко дал понять, что все время об этом думаю. С другой стороны, он и не сказал, что отпустит меня домой. Сказал,

нет смысла продолжать разговор. Если я соберусь уйти — позовет санитаров. Вынужден.

Я посмотрел на Станиславского. Тот показал мне жест «ОК». Я победил.

— Ну, я же за этим и пришел. Лечиться.

— Хорошо. Сейчас распечатаю пару бумажек, почитайте внимательно. — Он взялся за мышку и стал неторопливо клацать, глядя в монитор.

Его лицо сделалось сосредоточенным. Прищурился, лоб наморщил. Я подумал, что доктор явно не привык работать за компьютером. Вероятно, выписывать направления должен кто-то другой, но что-то пошло не так.

— Что за бумажки?

— Согласие на лечение и вся сопутствующая информация.

Какое-то время он клацал, потом зажужжал принтер. Психиатр вынул еще теплый лист бумаги и протянул мне. Я стал читать, делая вид, что не знаком с текстом. Стандартный бланк. Информированное добровольное согласие... и все такое. Я, конечно, нашел его в интернете и изучил заранее.

— А чем вы занимаетесь? — вдруг поинтересовался врач, пристально глядя в монитор.

«Анкету, наверное, какую-то заполняет», — подумал я.

— Писатель.

— Интересно. — Он отвлекся от компьютера и посмотрел на меня. — И как сейчас обстоят дела в русской литературе?

Я широко развел руками и окинул себя взглядом:

— Это вы мне скажите. Литература у вас на приеме.

Доктор сдержанно усмехнулся.

— Литература в надежных руках, — заверил он меня, все еще улыбаясь.

— Психиатра, — добавил я одно важное слово к его реплике.

— Это лучше, чем гробовщика, например. — Тут он вроде бы пошутил, но я заметил, как его взгляд внимательно скользнул по мне.

Я успел немножко скривить уголки губ, будто эта черная шутка меня как-то задела. Страшные люди эти психиатры. Нельзя расслабляться ни на секунду.

— Вам нужно предупредить кого-нибудь? В отделении мобильный телефон придется сдать.

— Нет, я уже предупредил всех, — возвращая бумагу с подписью, ответил я.

Теперь уже нет смысла что-то изображать, своего я добился.

— Хм... Похвальная какая... — Он задумался.

— Предусмотрительность, — подсказал я.

— Да. Хорошее слово, предусмотрительность. Давайте я вас провожу в отделение.

Он встал из-за стола и указал рукой на дверь. Почему-то получилось очень по-доброму, если не сказать по-родному, — наверное, репетировал это движение. Я тоже встал, взял свою сумку, кивнул Станиславскому в знак благодарности и вышел из кабинета. Психиатр с картонной папкой под мышкой вышел за мной и снова указал направление.

— Сейчас мы оформим вас в боксированное отделение, это что-то вроде...

— Карантина. — Не то чтобы он нуждался в подсказке, скорее я просто перебил его.

— Что-то общее есть, да. Сначала вы сдадите общие анализы, плюс вас периодически будет опрашивать доктор. Назначит лечение. Потом уже переведем в общую палату, а там — в зависимости от динамики.

— Ясно.

Мы шли по длинному коридору с бежевыми стенами. Я внимательно смотрел по сторонам, стараясь не упустить ни одной детали. Я здесь именно для этого. Цвета, звуки, запахи — важно все. Лампы дневного света, двери без ручек,

линолеум, шестьдесят шагов от кабинета, что еще можно ухватить?

Мы уперлись в закрытую дверь. Я замер в предвкушении. Сейчас он достанет из кармана халата железку, похожую на торцевой гаечный ключ. Это так называемая гранка, исполняющая роль ручки для всех дверей в больнице.

Но, увы, доктор достал из кармана халата банальную пластиковую карточку, которые каждый человек хоть раз наблюдал в офисе, и приложил ее к считывателю. Загорелась зеленая лампочка. Вот тебе и гранка.

Мы вошли в примерно такой же коридор, как тот, по которому шли сюда. Единственное отличие — сестринский пост по левую руку. Эдакая регистратура.

— Ольга, добрый день. — Психиатр улыбнулся серьезной женщине на посту. — Принимайте новенького.

Женщина что-то спросила, но я не расслышал.

— Да, вот. — Психиатр сунул бумаги в окошко. — Самоход.

— А что случилось? — Кажется, этот вопрос она задала мне, но ответил доктор:

— Тяжело человеку. Жить не хочется.

Сестра покачала головой, но никак вслух не прокомментировала. Хотя бегущая строка на ее лбу гласила: «А ведь такой молодой, красивый, что ж делается-то?» Но скорее для профформы. Чтобы я понял, что мне сочувствуют. Вряд ли ее можно чем-то подобным удивить.

— Всего доброго, — попрощался психиатр.

— Удачи. — Я улыбнулся в ответ.

Он вышел из отделения и закрыл за собой дверь.

— Давайте вашу сумку посмотрим. — Сестра взяла мой багаж и приступила к досмотру.

Я уловил запах больничной еды — пюре и рыбные котлеты — и вдруг осознал, что морщусь. Да и в целом почему-то все лицо напряжено.

Сестра тем временем раскрыла сумку и стала доставать содержимое. Первое, что ей попало, — упаковка туалетной бумаги.

— Предусмотрительно, но у нас сейчас с этим нет проблем, слава богу, — сказала она и отложила бумагу в сторону, собираясь продолжить досмотр.

— Нельзя оставить? — уточнил я.

— Можно, но... Можно, конечно. — Она придвинула упаковку ближе ко мне. Не распечатывая.

— Четырехслойная, — поиграв бровями, сказал я. — С запахом лаванды.

Сестра сдержанно улыбнулась и вернулась к досмотру.

— Лаванда, горная лаванда... — пропел я себе под нос.

Сестра усмехнулась и покачала головой. Достала из сумки флакон духов.

— К сожалению, нельзя, — покачала она головой.

— Почему? — удивился я.

— Потенциально опасно. — Ей удивительным образом удалось совместить абсолютно протокольную фразу с личным отношением, что вообще-то невозможно.

Я сделал вид, что очень огорчился, что совсем не подумал о том, что раз я заехал по суицидальной статье, то у меня заберут все хоть сколько-нибудь, по их мнению, опасное. Даже то, что нормальным психам вполне бы разрешили. На самом деле, конечно, я был готов к такому повороту. Даже рассчитывал на него. Это отвлекающий маневр. Я с трудом сдержал улыбку. Как я хорош, как мощны мои лапищи!

— Что это? — Сестра вертела в руках красную пластиковую баночку.

— Мастика для волос.

Она странно посмотрела на меня, задержала взгляд на моей прическе, потом открыла банку и заглянула внутрь.

— Нельзя.

Интересно, а зачем вообще было спрашивать, что это такое, если ничего нельзя? Сестра достала второй флакон и с удивлением взглянула на меня.

— Духи, — подтвердил я.

— Еще одни?

— Ну, тот аромат вечерний, а это так... Повседневный, домашний.

Она улыбнулась, покачала головой и отложила флакон влево. К другим духам и мастике. Туда же без вопросов отправилась расческа.

— Ну хотя бы расческу... — взмолился я.

— Нельзя, — решительно отрезала сестра, снова оценив взглядом мою прическу.

— Ну тогда хоть щетку для волос! Она мягкая, почти резиновая.

Сестра как раз достала ее из сумки. Недоверчиво покрутила в руках. Помяла. Нашла ее небезопасной и положила к прочей запрещенке.

— Вам тут не перед кем красоваться, не переживайте.

— Ну, перед собой же...

Бритва, конечно, фейсконтроль не прошла, а за ее отсутствием мне и гель не понадобился.

— Бриться можете под присмотром санитаря. Попросите сестру — все организуют. Станок будет тут, на посту.

Она проверила карманы обоих спортивных костюмов, заглянула в тапочки и даже распечатала картонные упаковки носков и трусов. Последнее, что она извлекла из сумки, — книги.

Она поочередно раскрыла их, видимо, проверяя на наличие тайников, после чего отложила. Книги — можно. Потом все-таки обратила внимание на обложку одной из них и задумалась. Оливия Лэнг «Почему писатели пьют».

Сестра размышляла, я не мешал. В конечном счете победило разумное, доброе и вечное. Книги сестра мне оставила.

— Телефон, документы, украшения? — поинтересовалась она тоном таможенника.

— Оружие и запрещенные препараты, — кивнул я.

— Что? — не поняла сестра.

— Вот, говорю, держите.

Я послушно сдал все. Замер на секунду, глядя на пачку сигарет. С одной стороны, мысли о предстоящей ломке нагоняли тоску, с другой стороны — я был даже рад. Когда нет соблазна, то и бросать легче. Нет сигарет и нет.

— Переодевайтесь, — приказала сестра.

— Прямо тут? — растерялся я.

— Ну... можете в палате, но ремень сдайте сразу. И обувь, если со шнурками.

— Хорошо...

Сестра принялась описывать вещи, я переобулся и снова осмотрелся, но ничего нового не заметил. Пока довольно скучно в плане материала, но очевидно, что это только начало.

Через минуту сестра положила передо мной бланк с описью и ручку.

— Все ценные вещи и документы я положу в сейф на посту, все остальное сестра-хозяйка отнесет в кладовку.

Сестра-хозяйка — звучит волнующе, если не сказать больше. Я наклонился, чтобы расписаться, и почему-то сразу заметил, что в списке только один флакон духов.

Интересно, какой именно аромат ей приглянулся? «Живанши» или «Каролина Эрера»? И что она будет с ним делать? Душиться мужским ароматом? Или подарит какому-нибудь мужчине открытый флакон?

Я понял, что пауза затягивается, и быстро расписался.

— Берите вещи, пойдемте, — сказала сестра, передавая мне сумку.

Мне показалось или в ее голосе проскочило некоторое облегчение?

Меня все же занимал один вопрос: духи для нее или для мужчины? Каким должен быть мужчина, которому можно подарить открытый флакон? Я внимательно рассматривал сестру, пытаясь по ее внешнему виду составить некое представление о ее любовнике или муже. Но кольца на пальце я не заметил. Не замужем.

Наверное, ее любовник — работяга. Допустим, водитель скорой помощи. Или санитар. Почему-то мне кажется, что это мощный мужчина. С пузиком и алиментами. Они с Ольгой друг друга любят, наверное, хотя сами себе боятся в этом признаться.

Я поймал эту мысль, она показалась мне интересной. Вот, допустим, я сам был бы влюблен в эту женщину. Она не очень похожа на мой идеал, даже несмотря на то что у меня нет четкого понимания, как выглядит мой идеал. Чего бы мне стоило признаться, что я влюблен в некрасивую, немолодую женщину? Наверное, проще было бы делать вид, что никакой любви нет. Просто так получилось: общие интересы, секс, понимаем друг друга с полуслова и все такое. Надо запомнить эту мысль, поразвивать и вывести в какой-нибудь книге таких героев.

А потом я перевернул все с ног на голову, допустив, что она, например, лесбиянка. А потом еще раз — предположив, что она светская алкогольвица и просто выпьет духи.

Сестра остановилась у очередной двери и достала из кармана халата гранку! Я успел заметить, что рукоять ее обмотана изолентой. Надо будет порасспрашивать местных. Кажется, эти гранки в некотором роде артефакты, и наверняка есть интересные персонализированные экземпляры.

За дверью оказалась не палата, а ординаторская. Две женщины, сидевшие за столом, уставились на меня. Их лица не выражали никаких эмоций. Будто они смотрели сквозь меня, на стену за моей спиной. Я почувствовал себя неловко. Почему-то стало стыдно.

Я отошел в сторону, покинув их поле зрения. Покрутил головой. Видимо, психи уже спят — никого в коридоре не видно. Дверь с табличкой «Палата 1» открыта. Еще здесь есть столовая, судя по табличке, а рядом с ней незапертая дверь туалета. Чего я не ожидал увидеть, так это кулер. С одной стороны, ничего странного, а с другой — а если психи обварится кипятком?

Сестра вышла буквально через несколько секунд и наконец повела меня в палату. В изолятор, если опять-таки верить надписям. Расположился он по соседству с ординаторской и прямо напротив второй палаты.

— Переодевайтесь, я зайду через какое-то время и заберу сумку.

— Сумку-то за что? — удивился я

Она молча ушла. Я осмотрел палату. В обстановке опять-таки не было ничего примечательного. Кровать, тумбочка, стул и зарешеченное окно, дверь, видимо, ведущая в туалет. Нейтральные тона, легкий запах хлорки, линолеум. Должно же быть в этой, психиатрической, палате что-то, что отличает ее от обычной, больничной. В поиске таких особенностей я и организовал всю эту авантюру. Но пока — ничего.

Я зашел в туалет. Вот, уже интереснее. Нету зеркала. Кажется, Хичкок говорил, что нас пугают вещи, находящиеся не на своем месте. Как, допустим, клоун в лесу. Надо сказать, что отсутствие вещей на привычных местах тоже вызывает неприятные ощущения.

Я смотрел на кафель в том месте, где должно было быть зеркало и прислушивался к своим ощущениям. Тоска? Тревога? Выключил свет. Теперь я оказался в полутьме, и тревога усилилась. Как и тоска. Мне предстоит провести тут как минимум несколько дней. Стоило ли это того?

Я вышел из туалета и сел на кровать. Нельзя сейчас задавать себе такие вопросы. Стоило, конечно. Чтобы чем-то себя занять, я переоделся и медленно сложил разрешенное

барахло в тумбочку. Потом выглянул в коридор. Вроде никого. Только вдалеке на своем месте сидит сестра.

Двери, что понятно, не запираются, поэтому придется полагаться на слух. Сестра может появиться в любой момент. Я взял упаковку туалетной бумаги и пошел в туалет. Неторопливо разорвал полиэтилен, достал все четыре рулона. Поставил их на бачок унитаза. Взял один в руку и внимательно осмотрел. Нет, не тот. Взял второй — на этот раз угадал.

Пришлось немного повозиться, но через какое-то время я таки извлек небольшую, с палец длинной ручку, даже не порвав рулон. Спрятал ее в рукав и, пританцовывая, вышел из туалета. Пока все идет по плану.

Я не успел как следует порадоваться — в коридоре слышались шаги.

— Да мне все равно, — сказал кто-то, открывая дверь палаты. — Но, как всегда, через жопу!

— Ну а я-то что могу? — жалобно оправдывалась сестра.

В палату вошел доктор. Темноволосый полноватый мужчина лет сорока с феноменально выразительными мешками под глазами. Следом за ним в дверном проеме показалась Ольга, но дальше не пошла, просто привалилась к косяку.

Я присмотрелся к бейджику. Если верить указанной информации, то передо мной доктор Эмиль Гусейнов.

— Добрый вечер, я дежурный врач, как самочувствие? — На меня даже не посмотрел, все его внимание занимали какие-то бумаги, которые он неторопливо пролистывал.

— Терпимо.

— И что конкретно терпите? — Он отвлекся-таки от бумажек и посмотрел на меня. — Вы же по суицидальной теме заехали?

— Да.

— И как сейчас? Кроет?

Я несколько растерялся от его тона. Почему-то почувствовал себя мешком с картошкой. Но это ощущение

осталось на фоне, сейчас я быстро соображал, как себя вести. В психушку-то я попал, но теперь нужно не переигрывать, а то реально лекарствами напичкают.

— Да вроде нормально.

Врач сделал пометку в бумагах, потом осмотрелся.

— Состояние как, подавленное? Тревожное?

— Вот прямо сейчас тревожное.

— Что тревожит?

— Вы в основном.

Доктор снова посмотрел на меня и неопределенно хмыкнул.

— Померьте его, будьте добры, — обратился он к сестре.

Сестра померила. Ничего особого, давление (тут мне повезло, что ручка была в другом рукаве, но мысленное замечание я себе сделал), сатурация и прочее. Мене, мене, текел, упарсин.

— Хорошо, будем наблюдать. Сейчас вас пока в изолятор поместили, утром сдадите анализы, обследуетесь, и через какое-то время переведем в общую палату. Пока по лечению ничего сказать не могу. Завтра лечащего врача назначат, он уже будет разбираться. Утром не завтракаете, сразу на анализы.

— А...

— Санитар вас отведет.

— Ясно.

Он повернулся, чтобы уйти, но наткнулся взглядом на тумбочку, на которой лежали книги. Доктор снова заглянул в бумаги, потом повернулся ко мне.

— Ваша книга? — Он пальцем указал на тумбочку.

— Как видите.

Гусейнов взял ее в руки, покрутил, рассмотрел обложку. Кажется, переглянулся с сестрой, та пожала плечами. Он какое-то время рассматривал лицевую сторону, потом раскрыл книгу, чтобы видеть обе части обложки: переднюю и заднюю.

— Это тест Роршаха, что ли? — усмехнулся доктор.

— Да, стилизация под него.

Я никак не мог понять, какие чувства вызывает у меня этот человек. Скорее неприятные, но вот что именно меня в нем раздражает?

— А что такое Сато?

— Имя главного героя.

Гусейнов перевернул книгу и вчитался, потом будто бы опомнился и спросил, сделав жест рукой:

— Не возражаете?

— Нет.

Он полистал книгу, остановился на каком-то месте, прочел несколько строк, потом закрыл ее и снова повернулся ко мне.

— А зачем вы взяли с собой вашу книгу?

— Вы бы взяли чужую?

— Я имею в виду, зачем вы взяли книгу, которую сами написали? — усмехнулся Гусейнов.

— Это подарок.

— В каком смысле? — не понял он.

— Конкретно этот экземпляр мне подписали и пода-
рили.

Доктор снова полистал книгу и посмотрел на первую страницу. Покачал головой каким-то своим мыслям, видимо, вызванным дарственной надписью. Я смотрел на него и чувствовал, что буквально закипаю. Что именно вызывает во мне злость?

Гусейнов повернулся ко мне, неторопливо закрыл книгу и положил на тумбочку.

— На ужин вы не успели, но если проголодались — скажите сестре. Принесут вам что-нибудь.

Не дожидаясь ответа, он вышел, каким-то чудом проскочив мимо занимавшей большую часть дверного проема сестры. Феноменальная способность втягивать живот. Ольга вопросительно взглянула на меня.

— Спасибо, не надо. — Я помотал головой.

— Спокойной ночи.

Сестра забрала мою одежду, разорвав последнюю связь с волей, вышла и закрыла дверь. Я лег на кровать. Подушка пахла чем-то химическим и почему-то сыростью. Мне стало неудобно, и я наконец-то осознал реальность. Я в изоляции, в непривычной, неудобной обстановке, без связи, без музыки.

А когда буду писать книгу, подумал я, Гусейнова выпишу злым говнюком. Только фамилию ему поменяю.

ГЛАВА 2

— Просыпаемся, просыпаемся!

Я не сразу понял, что происходит, стал шарить рукой по кровати, чтобы сгрести Соню в охапку и утихомирить. Это всегда работает, даже когда я сам прошу ее меня разбудить. В конечном счете она засыпает вместе со мной.

— Просыпаемся!

И тут назойливый голос, чужие запахи и сырость сложились в неприятную, но четкую картинку. Сони нет, я не дома, я в психушке. Мое возмущение проснулось раньше меня. Ну чего ради будить людей, которым уже некуда торопиться? Мы уже все успели! Почему нельзя дать поспать-то?

— Да не сплю я!

— Меряем температуру!

— Не возражаю!

— Держите! — Ольга запихала градусник мне под мышку. — Пока спите, ближе к восьми на осмотр идем. Если быстро все, то, может, еще на завтрак успеете.

И чего они тут все так акцентируют внимание на еде? С другой стороны — может, это единственное развлечение в этом заведении?

Через какое-то время сестра вернулась и забрала градусник. Я попытался уснуть, но не получилось. Так и застрял между сном и явью.

Матрас, на котором я лежал, судя по ощущениям, был застелен клеенкой. Видимо, чтобы не промокал, если какой-нибудь псих обмочится. И это почему-то очень огорчало.

Воображение зацепилось за проклятый матрас и создало жуткую картину. Будто я лежу на этом самом месте, но я — это не совсем я, а натуральный псих. Почему-то раза в три старше, чем на самом деле. Я привязан к кровати и не могу пошевелиться. Я хочу в туалет. Пытаюсь позвать сестру — но голоса нет. Я стараюсь изо всех сил, но все, чего удастся добиться, — это жалкий мышинный писк. Дело движется к закономерному позорному финалу.

— Подъем, больной!!

Низкий, прокуренный мужской голос. Если бы не второе слово, то я бы подумал, что это по-прежнему сон, в котором как-то оказался мичман.

У кровати стоял невысокий, но очень уж широкоплечий санитар с кривым носом, намекающим либо на спортивное прошлое, либо на сложный характер.

— Давай собирайся, дурак. Через пять минут жду сна-ружи.

Я удивленно посмотрел на санитаря. Он смотрел на меня спокойно и немножко устало. Судя по интонации, «дуррак» — это не попытка оскорбить меня, а его обычное обращение к больным. А скорее всего, не только его, но и всех санитаров.

Я намеренно неторопливо, но в разумных пределах умылся. Вышел из палаты и отправился за санитаром по бесконечным коридорам. В голове возник сюжет, как псих бежит из дурки. Добывает карточку, гранку, все тщательно планирует, но увы — бедолаге не удастся без карты выбраться из клиники. Он навсегда остается в психушке.

Скрывается в самых отдаленных ее частях, куда не заходят даже санитары, и иногда устраивает ночные набеги на кухню.

Мои мысли прервал санитар. Он остановился у какой-то двери и постучал в нее. Безрезультатно.

— Ждем, — велел он и привалился к стене.

Санитар меня одновременно раздражал и веселил своим отношением. Он вел себя так, будто я то ли овощ, то ли малолетний уголовник. Если бы я действительно был пациентом этого чудовищного учреждения, меня бы буквально разорвало от гнева. Но, так как я здесь всего лишь наблюдатель, исследователь, могу позволить себе не реагировать на такое отношение.

Почему-то только сейчас мне на глаза попался его бейджик с именем — Денис Иванов.

— А вашего отца, случайно, не Иван зовут? — не сдержался я.

— Откуда знаешь? — нахмурился санитар.

— Угадал. — Я еле сдержался от смеха, Денис Иванович, надо же.

Он хотел что-то сказать и даже открыл рот, но вдруг достал телефон из кармана и приложил к уху.

— Алло! А, ну да. И че?

Он почему-то обхватывал трубку всей ладонью и плотно прижимал ее к уху.

— Да блин, ща!

Денис убрал телефон и посмотрел на меня с сомнением. Судя по всему, пытался принять какое-то решение. Мне даже стало интересно.

— Ты как, соображаешь?

— Преимущественно образно, — усмехнулся я.

Санитар хмурился. Видимо, пытался понять, можно ли мне доверять.

— Куришь?

— Курю.

— Значит, так, если будешь сидеть тихо и ждать, потом отведу покурить, по рукам?

— Хорошо.

Он еще раз с сомнением посмотрел на меня, но все-таки решился. Быстро пошагал куда-то по коридору. Наверняка он нарушил какие-то правила. Не думаю, что психов можно вот так бросать посреди больницы без присмотра.

Я осмотрелся. Возле кабинетов не было очередей. Ни одного человека во всем коридоре. Мне даже показалось, что во всей больнице нет ни одной живой души. А я, как неуспокоенный дух, буду вечно сидеть у этой двери.

Ситуация усугублялась тем, что у меня не было телефона или книги. Делать совсем нечего. Даже часов нет, чтобы прикинуть, сколько я тут уже кукую.

Чтобы чем-то занять свой ум, я принялся размышлять о будущей книге. Главный герой, пусть пока его зовут Андрей, потом что-нибудь более интересное, говорящее и символичное придумаю, — писатель. Плохо, конечно, писать книги про писателей... Но в целом-то — хочу и пишу!

Итак, Андрей. Жена настояла, чтобы он сходил на обследование к психиатру, а там он попал под недобровольную госпитализацию. Маниакально-депрессивное расстройство со всякими там суицидальными отягощениями. Тут еще надо проконсультироваться, как это все работает. Иногда полезно дружить с психиатрами.

Итак, в психушке Андрея хотят лечить, а он лечиться не хочет. Он убежден, что его болезнь напрямую связана с талантом. Нельзя ему укольчики и колеса, нельзя.

А антагонистом будет врач, который пытается Андрея вылечить. И вот посмотрим, кто кого. Андрей врача убедит, что суицидальные мысли и нестабильное состояние — это часть таланта и, может, даже его основа, или, наоборот, врач вылечит талант писателя.

Я представил, что рядом со мной на лавочке сидит Андрей. Мается от безделья. Изучил все вокруг, посидел

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru